

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-95-109

ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ СОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯНИНА-ЕДИНОЛИЧНИКА В КНИГЕ ОЧЕРКОВ Ф. И. ПАНФЁРОВА «В ПРЕДУТРЕННЮЮ РАНЬ» (1927)

Култышева О. М., Ращупкина О. С.

Нижевартровский государственный университет

628605, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56,
Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать наиболее репрезентативные с точки зрения отражения диалектически противоречивого процесса перестройки крестьянского сознания в период коллективизации очерки книги Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927).

Процедура и методы. Проанализированы тексты очерков из книги Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань», приведён анализ взглядов современников писателя на его творчество, посвящённое теме коллективизации (П. Алгасова, А. Исбаха и др.). В исследовании использованы биографический, культурно-исторический и социологический методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в условиях общественной ломки процесс изменения сознания крестьянина-единоличника видится писателю сложным, но закономерным условием становления советской деревни.

Теоретическая и/или практическая значимость. Произведения Ф. И. Панфёрова анализируются как воплощение основных тенденций «колхозной прозы» 1920–30-х гг.; исследование восполняет пробел в изучении малоизвестных очерков писателя.

Ключевые слова: «В предутреннюю рань», очерк, Ф. И. Панфёров, тема коллективизации, тема перестройки крестьянского сознания

REFLECTION OF THE DIALECTICAL CONTRADICTION OF THE RESTRUCTURE OF THE PEASANT-INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS IN F. I. PANFEROV'S BOOK OF ESSAYS "IN THE EARLY MORNING" (1927)

O. Kultysheva, O. Stanislavovna

Nizhnevartovsk State University

ul. Lenina 56, Nizhnevartovsk 628605, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Russian Federation

Abstract

Aim. We analyze F. I. Panferov's book of essays "In the early morning" (1927) that is most representative from the point of view of reflecting the dialectically contradictory process of restructuring peasant consciousness during collectivization.

Methodology. The texts of essays from F. I. Panferov's book "In the early morning" are considered; the views of the writer's contemporaries on his work devoted to the topic of collectivization (P. Algasov, A. Isbakh, etc.) are analyzed. Use is made of biographical, cultural-historical, and sociological methods.

Results. The analysis shows that in the conditions of social breakdown, the process of changing the consciousness of a peasant-sole proprietor is seen by the writer as a complex, but natural condition for the formation of the Soviet village.

Research implications. The works of F. I. Panferov are analyzed as the embodiment of the main trends of the “collective farm prose” of the 1920s–30s; the study fills a gap in the study of poorly known essays of the writer.

Keywords: “In the early morning”, essay, F. I. Panferov, theme of collectivization, theme of the restructuring of the peasant consciousness

Введение

Тема путей развития «многомиллионного крестьянского населения» стала главной в творчестве Ф. И. Панфёрова. Всеволод Сурганов в аналитическом очерке «Живая сила» (1976) сказал о периоде 1920-х гг.: «Вопрос, волновавший Панфёрова, встал в те годы перед многими из будущих его соотечественников по перу. В недрах российской деревни, проходившей через пламя гражданской войны, формировалось поколение художников-самородков, которому предстояло вписать в историю молодой советской литературы одну из самых ярких страниц»¹ – тему колхозного строительства.

Действительно, ни отечественная, ни мировая литература не имели в те годы опыта осмысления коренной перестройки общественного бытия крестьянства и деревни в целом. Поэтому путь, выбранный Фёдором Ивановичем Панфёровым, – путь человека, с одной стороны, вышедшего из деревни и знающего её жизнь изнутри, с другой – участвующего в обновлении жизни в соответствии с революционными идеалами: это путь преобразования настоящего посредством художественно-публицистических обобщений.

Ф. И. Панфёров, сын бедного крестьянина, принявший идеалы революции и поддерживающий советскую власть, работая в редакциях советских газет и журналов, участвуя в Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), был активным строителем социализма в деревне. Актуальность темы исследования определяется тем, что Панфёров, стоявший у истоков советской литературы, отражая процессы, происходившие в деревне в 1920–30-х гг., сумел показать диалекти-

ческую противоречивость перестройки сознания крестьянина-единоличника и сложности коллективизации как процесса, меняющего вековой уклад жизни мужика-крестьянина, что представляет научный интерес.

Галерея образов крестьян в книге очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927)

В основу художественного метода Ф. И. Панфёровым были положены наблюдения за меняющейся жизнью мужика-крестьянина. Так, Павел Козловский, вспоминая о первых днях знакомства с Фёдором Ивановичем, отмечает следующие особенности сбора художественного материала для будущих произведений: «Весь день он просидел рядом, наблюдая, как я принимаю посетителей и отдаю распоряжения по сельсовету. Он ни разу не вмешался в разговор, но, я чувствовал, внимательно слушал и посетителей и меня»², «Не без пользы провёл Фёдор Иванович и следующий, воскресный день. По его просьбе мы побывали в избах у многих активистов. Знакомились с их семейным бытом, с хозяйством. В каждом случае Фёдор Иванович старался втянуть в разговор не только хозяина, но и членов его семьи»³, «Теперь он уже просил меня съездить с ним в соседние деревни, побывать на полях, где ещё продолжались весенние работы. Он не пропускал ни одного общественного схода, стал принимать участие в заседаниях сельсовета, зачастил в сельхозартель “Свет”. Здесь он внимательно ознакомился с бухгалтерскими записями

¹ Сурганов В. Живая сила // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 13.

² Козловский П. Лучший из лучших // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 61.

³ Там же. С. 63.

ми, интересовался учётом»¹. Накопленный материал творчески перерабатывался и приобретал, в большинстве случаев, форму очерка.

Михаил Гаврилович Майзель в начале 1930-х гг. объяснял развитие жанра очерка в конце 1920-х гг. следующим образом: «В условиях констатированного отставания художественной литературы от темпов социалистической реконструкции, первостепенно важное значение приобретает очерк. Своевременная фиксация всех разнообразных изменений, которые под напором новых общественных отношений происходят в окружающей действительности, составляют первую и наиболее существенную отличительную черту очерка. ... Именно в очерке находит своё отражение то преходящее, что несёт в себе наша эпоха и что, несмотря на свой временный характер, имеет огромное значение для революции» [3, с. 198]. Жанр очерка позволял Ф. Панфёрову отражать живые и противоречивые процессы, происходящие в современной ему деревне.

Весной 1926 г. Фёдор Панфёров, будучи редактором «Крестьянского журнала», отправляется в командировку на Тамбовщину. Александр Иванович Панфёров в биографической книге «Мой старший брат» так вспоминает об этом: «Попав в село Воронцовка, он некоторое время пожил в колхозе, по своему обыкновению, сблизился со многими людьми. ... Среди множества людей его внимание привлёк председатель Воронцовского сельсовета Павел Артамонович Козловский, человек своеобразный, огромного роста, большой силы и незаурядного ума. Они сдружились, и Фёдор целые дни проводил вместе с ним, внимательно наблюдая всё то, чему оказывался свидетелем»².

Творческим итогом этой поездки стал сборник «На реке Цне», многие произ-

ведения из которого год спустя вошли в книгу очерков «В предутреннюю рань», выпущенную в 1927 г. издательством «Московский рабочий»³. Эти произведения стали предтечей романа «Бруски», поэтому слова Александра Исбаха, посвящённые панфёровскому роману, можно в полной мере отнести и к очеркам, вошедшим в книгу «В предутреннюю рань»: «Панфёров чуть ли не впервые запечатлел жизнь новой, советской деревни во всей её сложности и многообразии»⁴.

В 1928 г. П. Алгасов в отзыве о книге очерков Ф. Панфёрова «В предутреннюю рань» говорит, что писатель «...местами лучше, местами хуже, обрисовал и подлинно-новую жизнь и притом в стадии её социально-бытовой завязи, а в некоторых случаях хорошо показал её в столкновении и борьбе с властвующими на деревне стихиями (спасение плотины, напр.). Новая жизнь у него не слетает на землю в виде райской птицы, по декрету соввласти, а рождается туго – в горе, в пыли, в солёной грязи – из тёмной мужицкой утробы. Иногда на его новом быте заметны следы невысохшей ещё родовой крови и застарелого деревенского пота»⁵. Алгасов отмечает следующую художественную особенность очерков, входящих в книгу: «В изображении явлений и людей Панфёров пользуется приёмами бытового письма с преобладанием диалогов. От себя он вносит несколько приторную певучесть и наивную влюблённость в ладную мужичью речь, которую он не только любит, но и знает, как знает вообще деревню и все дни её жизни»⁶.

Таким образом, в книге «В предутреннюю рань» речь персонажей является

¹ Козловский П. Лучший из лучших // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 63.

² Панфёров А. Мой старший брат. Штрихи жизни Фёдора Панфёрова. М.: Московский рабочий, 1980. С. 141.

³ См.: Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. 147 с.

⁴ Исбах А. Из самой глубинки // Фёдор Панфёров. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977. С. 75.

⁵ Алгасов П. Ф. Панфёров «В предутреннюю рань» (Изд. «Московский рабочий». М. – Л. 1927, Стр. 147. Ц. 1 р.) [Отзыв о книге] // Печать и революция: журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1928. Кн. 5. С. 211.

⁶ Там же. С. 211.

одним из важнейших средств создания образов крестьян, а содержание реплик позволяет читателю увидеть разные взгляды на процессы, происходящие в деревне.

Тридцать очерков, составляющих книгу «В предутреннюю рань», разделены автором на три части: в первую – «На распутье» (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.) – входят двенадцать очерков, во вторую – «Козловская республика» – семь, в третью – «Коллективщики» – одиннадцать.

Открывает сборник очерк «Маркел», в котором перед читателем предстаёт образ немногословного крестьянина, который везёт рассказчика и инструктора укома, ленинградского рабочего Котова, в Знаменку и всю дорогу «о чём-то тягуче думает». Маркел отвечает на вопросы гостей, не проявляя инициативы в разговоре. Вспоминая о помещике, мужик говорит: «Да-а-а. Чудной он у нас был – Строганов... Чудил всё...»¹. Очевидно, что Маркел ощущает собственную принадлежность к другим мужикам (на это указывает местоимение «нас»), т. е. он отражает сознание многих, для которых барин – не классовый враг, а всего лишь чудной человек, построивший мост через реку, которым пользовались всего лишь две недели в году во время разлива реки Цны. Историческую смену власти Маркел принимает равнодушно. О далёком прошлом он говорит: «Барин когда был, мост во всю длину сделал, чтобы во время разлива Цны проезд иметь»². Действия новой власти, совершённые в недалёком прошлом, также не оцениваются им, а констатируются: «Впрочем, была тут у нас – барская ещё (баня. – О. К., О. Р.), исполком на какой-то бюджет продал»³. О настоящем Маркел, отвечая на вопрос гостей о коммунистах, говорит: «Коммунисты? А как же без них? Теперь без них ничего нет... Все везде сидят...»⁴. Таким образом, перед читателями предстаёт крестьянин, который равнодушен к происходящим полити-

ческим процессам. Единственное, что его волнует – это будущие полевые работы. Именно поэтому он лишь однажды проявляет инициативу в диалоге, произнеся слова «Пахать скоро»⁵ (подробнее об этом очерке: [2]).

В очерке «Спектакль» действие происходит вечером перед Благовещением. Избач, обращаясь к знаменским комсомольцам, предлагает продемонстрировать «антирелигиозность»: «Товарищи, накануне Благовещения, этого дурмана – надо во всю показать себя, чтобы опиум подкопать»⁶. Грамматические и речевые несоответствия в реплике указывают на низкий уровень образованности человека, который должен «открывать глаза» мужикам на сложные политические процессы, проживаемые ими в настоящем. Необразованность избача и неподготовленность комсомольцев, которые решили «закатить спектакль» из времени Парижской Коммуны, создают комический эффект: актёры не знают слов; мальчишки, сидящие возле сцены, повторяют реплики суфлёра; зрители – «большинство комсомольцы, человек пятьдесят – ближе к сцене придвинули лавки, уселись звучно щёлкают семечки (орфография сохранена. – О. К., О. Р.)»⁷. Драматизм разыгрываемой сцены остаётся не понят пришедшими на спектакль: приговор коммунара к расстрелу и его казнь их абсолютно не трогают: «Машке не дали докончить хохотом, подхватили: А ты разденься... Разденься-ка, Машка... Ну-ка, отчублуть»⁸. Перед читателями предстают молодые люди, которых можно назвать авангардом деревни: они комсомольцы, но сознательность их, как и уровень культуры, очень далека от идеального представления читателей об истинных комсомольцах.

В очерке «Одиннадцать дохлых лошадей» Панфёров знакомит читателей с Николаем Крутовым – постоянным возчиком вика (ВИК – волостной исполни-

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 6.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 13.

тельный комитет. – О. К., О. Р.), который рассказывает гостям «биографию своей бедовой жизни»¹. Вехами в этой биографии является гибель лошадей, которых с 1904 по 1924 гг. у Николая побывало одиннадцать. Последняя была куплена на кредитные деньги, которые нужно вернуть. Разговорчивый Николай Крутов знакомит со своей жизнью, упоминая, что при наличии лошади он не пашет землю, а нанимает для этого других, ибо система деления земли между мужиками нерациональна: «При графе-то нас как считали – кнутошниками: на чужих лошадях только может-де работать... Земли у нас не было... а и теперь поле отвели – первый загон в четырёх вёрстах, последний в десяти. Пока туда едешь – кормить лошадей надобно... Да и земли-то... горе... Вон оно – гляди»². Поле первого знаменского земельного общества, которое видят рассказчик и секретарь волкома ВКП Беляев, производит удручающее впечатление: «Кое-где виднеются брошенные загончики жиденского проса, местами просо перепахано и засеяно рожью – от этого поле кажется каким-то несуразным – пёстрым»³. Николай объясняет увиденное: «Да ведь жаль загон бросать. Вон просо мужик посеял, а оно не уродилось, – ну и жаль землю бросать»⁴. Вложенный мужиком-крестьянином труд не всегда возвращается сторицей. Крестьянин-единоличник – заложник обстоятельств – понимает, что современные орудия труда могут изменить жизнь («Трактор – он шутя эту землю возмёт. А тут на четвёрке пятнадцать сажень – больше в день не спашешь»⁵), но приобрести трактор нет возможности. Для Беляева выход очевиден: «В коллектив вам надо собраться... Прямой тебе расчёт итти (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.) в коллектив. А там и трактор купите»⁶, – но Николай после непродолжительной паузы отвечает: «Себя там потеряешь, и хозяина

не сыщешь... А тут – сам себе воля... Сам приладишь, сам и наладишь – с себя и спрашивай»⁷. Желание быть «самому хозяином» – это позиция мужика-собственника, который признаёт преимущества прогресса, но не готов стать его частью.

В очерке «Тутуля» Ф. И. Панфёров изображает собрание мужиков в сельском совете: «И стояли мужики: ближе к сцене, на сцене – за спиной молодого преда – в дублёных, овчинных шубах с большими воротниками... А по углам и назади в нардоме – в полушубках, в шапчонках рваных»⁸. У присутствующих разные цели: Маркел Пестрюков пытается повлиять на выборы и поставить на должность молодого, а значит, управляемого человека. Этот хитрый мужик циничен и понимает, что система власти несовершенна. На вопрос предволкресткома «Что я отвечу перед высшей властью?.. Скажут, где мнение крестьян?», Маркел, растягивая слова, отвечает: «Ну, скажешь, тебе не привыкать»⁹. Он один из тех, на ком овчинная шуба. В репликах же бедных мужиков, тех, на ком полушубки, считается неприязнь к таким, как Маркел. Васька Доронин, в прошлом председательствующий на собраниях, зло гаркает: «Открывай, что ль... аль на тебя глядеть пришли да на твоих... Ишь, всю местность тулупами заставили!»¹⁰. Но голоса мужиков из этих двух групп сливаются в один хор, когда Митрий Чалкин задаёт вопрос: «Пускай он скажет, – куда хлеб девали? А то заседания, вопросы... Посеву было двести десятин, трактор имелся, а хлеба осталось двести пудов – вот пускай скажет» – «Гам, вой, крики – распахнулись тулупы, заговорили, загорланили, и утонул безвозвратно голос предволкресткома в этом мужицком гаме»¹¹. Автор создаёт образ толпы, готовой уничтожить любого, кто претендует на их собственность, на главную ценность в жизни крестьянина – хлеб. Они не хотят и не могут услышать

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Там же. С. 24.

каких-то объяснений. Мужик в толпе превращается в зверя, когда дело касается его собственных интересов.

В очерке «Шлётка» Фёдор Иванович рисует образ Ивана Яковлевича Соколова, которого все мужики называют Ванька Шлётка. Его отец был зажиточным крестьянином, который владел пятьюстами десятинами своей земли, тридцатью лошадьми, на его поле полсела работало. Он был человек-труженик: «Как снег сошёл – так в поле в работе. Ноги у него истрекаются в кровь, а он: по жнивью, так по жнивью – ничего не разбирает»¹. Но дети пошли не в отца, поэтому никто не помнит настоящей фамилии Ивана – Соколов, для всех он Шлётка – запаршивевшая овца, рядом с которой даже простая овца из одного места не будет пить. Рассказчик, живя в течение недели у Шлётки, видит его всё время лежащим на полотах. Происходящее во внешнем мире вызывает у Шлётки и его жены только отрицательную реакцию: «Всё давай да давай... Ссуду давай, налог давай, страховку давай, на строй давай, – бурчит Шлётка»². Но на вопрос рассказчика, что взяли с него лично, не может дать ответа. Этот крестьянин не привык работать, он может только критиковать и раздавать советы. Например, он рекомендует рассказчику, получающему шестнадцать рублей, просить прибавку к жалованью. Но когда рассказчик объясняет Шлётке, что если повышать зарплату тем, кто просит прибавки, то деньги пойдут с мужиков, тот меняет своё мнение на противоположное: «Э, – резко оборвал меня Шлётка, – шестнадцать хватит... прокормишься!»³. Этот мужик ленив настолько, что не делает абсолютно ничего. Его единственное желание – отдыхать, лёжа на полотах. Ни огромное количество тараканов, звук падения которых напоминает рассказчику шум дождя, ни буланка, у которой отнялись задние ноги, не способны изменить поведение Шлётки. На всё у него готов

один ответ: «Я говорил, что надо сделать, а сам никак не удосужусь».

В «Сватовстве» читатели могут наблюдать за тем, как меняется сознание молодёжи, готовой отказаться от прошлых традиций. Сюжет отражает процесс сватовства: Иван засылает в дом возлюбленной Стеши сватов. Причиной напряжённости сторон становится вначале количество вёдер самогона, который должен предоставить одна из сторон на свадьбу, ведь с самогонщиками объявлена борьба, а позже отказ матушки-попадьи благословлять Шешку на брак, т. к. мать жениха из староверов. На что Шешка в присутствии собравшихся говорит, что пойдёт замуж и без её благословения, чем вызывает негодование женщины. Но поп-батюшка отмахивается от жены, говоря: «Новое время... не тревожь...»⁴. Заканчивается произведение упоминанием о том, что всю ночь будущие родственники гуляли, распивая самогон, и «тут же, в углу, на сундуке, раскачивался, пел “Могилу” пьяный милиционер»⁵, который должен был бороться с самогонщиками. Для молодых оказываются важны не традиции, а эмоции, чувства, поэтому с такой лёгкостью девушка, ежедневно посещающая келью, ради личного счастья готова отказаться от религиозных правил, требующих благословения духовной наставницы, крестной.

В последнем очерке первой части книги «В предутреннюю рань» – «К одному берегу» – автор с помощью метафорического сравнения создаёт образ крепкого хозяйственника Ильи Максимыча Плакущева, который держал в руках покровских мужиков «так крепко, как новая карга»⁶ держит дубовые сваи»⁷. Революция измени-

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Карга – железная скоба, с носками в разбежку, туда и сюда, вколачиваемая пильщиками в бревно и в козлы; иногда и прямая скоба, для возки брёвен. См.: Карга // Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: [сайт]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=12861> (дата обращения: 01.07.2022).

⁷ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 49.

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 26.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 30.

ла привычную жизнь Ильи Максимыча: «Скучал Плакущев после революции: землю у него отобрали комбедчики, хлеб из амбара выгрузили, пересчитали мешки с хлебом, меж собой поделили, Плакущеву оставили – пай»¹. Привыкший к тому, чтобы «загребать», Плакущев решает попросить на сходе у мужиков право пользоваться островом, на котором обещает развести сад для всех, но по факту засаживает участок картофелем и тыквой, которые дают осенью хороший урожай для него лично. Земля для него – ценность: ради земли Плакущев готов строить каверзы, поэтому, когда решением суда часть плодородной земли перешла мартыновцам, выступающим «за четырёхполку, за трактор, за агрономию»², Илья Максимыч в течение двух лет обивал пороги судов, чтобы не отдать её коллективу. Но решение губсуда поставило точку в этой истории: «Окончательно отвести землю мартыновцам за Алаем на Зелёной»³. Утрата плодородной земли запустила процесс передела земельных наделов и показала, что мужики неоднородны: «Передел, так всем передел! Мы, как безлошадный пролетариат и вообще лошадный хотя, – нам дядеть около вас некогда... Мартынов уж трактор, а мы дядим... кусать скоро нечего. Гаркнули стороны. Лопнула железная карга Плакущева, пошатнулись дубовые сваи. Уцепились владельцы Коровьего острова за каргу – силы напрягали силы чернозёмные, мужицкие»⁴. Конфликт вскрывает многолетнее противостояние бедных и зажиточных крестьян. И в момент открытой ссоры с мужиками Плакущев произносит фразу, раскрывающую его истинное лицо «Между нами братства нет, а вы хотите равенство!»⁵. Годы, прошедшие после революции, смена власти, механизмов управления не изменили Илью Максимыча. Он

всё тот же собственник, думающий лишь о своём благе.

Во второй части книги, которая получила название «Козловская республика», галерея образов крестьян расширяется. Уже в первом очерке «За землей» мы видим двух мужиков – Кузьмича и Микольку, которые – «с “христом и матом” – ввалились к нам в вагон»⁶. Обращает на себя внимание следующая художественная деталь: в переполненном пространстве нет свободных мест, и Кузьмич, уткнув «рыжую с кудерками бороду в верхнюю полку», спрашивает земляка: «Ну, Миколька, на подловку?»⁸. На что Миколька «беспрекословно развёл руками» и произнёс фразу: «На подловку, так на подловку. Привычны». В этом ответе чётко слышится готовность принять текущие обстоятельства, не сопротивляться им. Но следующая ироничная реплика Кузьмича показывает, что мужик не так прост: «В слободной-то республике, да за свои денежки, – подмигнул Кузьмич, – А то и тут, – добавил он и уселся на мешок прямо в проходе»⁹. Эта мысль находит подтверждение и в словах героя, обращённых к пассажирам поезда, идущим к выходу из вагона: «Эй, куда прёшь? На язык норовишь! Эй! Вы! Ай да социализированы! Граждане слободной республики!»¹⁰. Образ героя приобретает новые черты в диалоге с комсомолкой, которую Кузьмич пытается разыграть. Узнав, что девушка из Москвы, он спрашивает: «Ну, как там Ленин наш живёт?». Услышав в ответ: «Умер давно тов. Ленин», говорит: «Вот-те на. А говорят, живёт: в избе такой лежит... не ест, не пьёт, а живой...»¹¹, «А нам сказывали на спектакле – живой. Бегунок к нам такой из Тамбова приезжал и перед нами:

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Подловка – ж. пск. вор. донск. искажён. подволока, чердак. См.: Подловка // Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: [сайт]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=12861> (дата обращения: 01.07.2022); здесь: в значении «верхняя полка».

⁸ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 56.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹ Там же.

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 50.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же.

живой Ленин, живой, да и только»¹. Эти реплики создают, на первый взгляд, образ балагура, хохмача, но Кузьмич не так прост. Вначале он характеризует прочитанное в «Крестьянской газете» письмо «к Калинин у Владимира»: «Ну... ничего письма... Башкан парень... Только, – усмехнулся, – сапоги-то мы носим по тридцать лет, а не то, чтобы каждый год... Вот они у меня, – хлопнул он рукой по голенищу сапога, – с Порт-артурской войны, а всё ничего... А Владимир этот каждый год сапоги хочет мужику... Бестолочь»². Портретная деталь – усмешка – выражает недоверие к лозунгам и обещаниям советской власти. Позже читатель узнаёт историю героя: до революции Кузьмич «около барина Болдырева тёрся – от Болдырева ему перепало. Купил тогда участочек земли в двадцать десятин... Пахал, сеял. Потом революция у него участочек отняла. Лежал он несколько лет непаханный (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.), – пыреем да бурьяном зарос. А тут Михаил Антонович артель организовал – землю им бывшую болдыревскую отвели, а при отводе и участок Кузьмича прихватили. Думалось до этого Кузьмичу, – авось, участок назад вернётся, и ещё кое-что думалось...»³. Кузьмич не сопротивлялся, видя пустующий участок, но когда понял, что земля уходит другим, попытался предпринять шаги, чтобы она не досталась артели, прикрываясь интересами саявенских мужиков: «Не за себя страдаю... за народ страдаю... за народ, потому как у вас “естественный захват”, и я буду за эту идею биться»⁴. Кузьмич, противопоставляя себя артельщикам (использование местоимения «вас» доказывает это), был готов затаиться и ждать, видеть принадлежащий ему в прошлом земельный надел пустующим, но оказался не готов передать его другим для общего блага. Индивидуализм и собственничество – вот сущность натуры крестьянина Кузьмича.

В очерке «Подход» читатель видит мужиков – членов сельсовета и крестьянского актива, которым глава предсельсовета Павел Артамонович Козловский читает телеграмму о возврате семсуды. Мужики не готовы расставаться со «своим, кровным». Слова крестьянина Ваньки-Звонка: «Мы на фронтах кровь проливали... Мы воевали, а хозяйство наше шло в упадок... хозяйство в расстройстве, а тут платить... мы бы рады платить, да не продавать же последние шобана»^{5,6} – находят поддержку у баб и мужиков. Но реплика Евдокима – одного из присутствующих в сельсовете крестьян – показывает, что и в народной среде есть сознательные элементы: «Выбрали нас не на то, чтобы мы ввали, да пятки лизали... И мы должны навстречу пойти – собрать всё до ста процентов»⁷. Вот только причина, по которой Евдоким побуждает мужиков к возврату семсуды, связана не с его идеологической позицией или широтой политических взглядов, а с крестьянской сущностью: «Ну, нонче семсуду не отдадим – на будущий год спросится...»⁸. В этих словах считается зависимость крестьянина от власти, готовность принять неизбежное, выбрать меньшее зло.

В очерке «Земля» Панфёров создаёт образы двух крестьян – Трюфелькина Матвея и Меркушева Андрея. У них разные судьбы, но их выделяет умение работать на земле. Однако это не приносит им счастья. Один болен: «И в поле Трюфелькин передом идёт – землю разрабатывает так, что люблю глядеть. Оттого у Трюфелькина всегда хлеб, всегда добро есть. Одна беда: от работы у Трюфелькина внутри будто всё пересохло, и живот всосался пустым лукошком, прикрытым самотканной рубахой»⁹. Другому из зависти сожгли ригу и назва-

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 58.

² Там же.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Шобан – вероятно, образовано от шобоны, шобаны, местн. тряпье, изношенная одежда. См.: Шобан // Демиарт: [сайт]. URL: <https://demiart.ru/forum/journal.php?user=102605&comm=137688> (дата обращения: 01.07.2022).

⁶ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 63.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 66.

ли кулаком: «Пришла новая война, с этой войны Меркушев в плен попал, три года на ферме в Германии жил и там многому научился. Домой вернулся, вместо огурцов и капусты на огороде турнепс (свёклу) посеял – со 150 кв. саженей 500 пудов собрал – всю зиму двух коров и лошадь турнепсом кормил...»¹. И Трюфелькин, и Меркушев понимают, что прежняя форма возделывания земли – трёхполка – изжила себя, но осознают они и то, что мужик не готов принять новое. «Народ... Народ, голубчик, Пал Артамоныч, попятится. Для него четырёхполка, ровно новые ворота козлу – вот что», – говорит Трюфелькин². «На выселки надо итти всем, – говорил он (Меркушев. – О. К., О. Р.), как только из плена вернулся, – общество такое большое – петля нам, и трёхполка – петля», «Заклевали Меркушева... Ригу сожгли. Да ещё кое-кто из ячейки подбавил – кулаком назвали. С той поры и примолк Меркушев»³. Именно к этим мужикам идёт за поддержкой Козловский, да ещё к красноармейцу Королеву, который вначале отказывается поддержать идею перехода на четырёхполку («Боязно... сомнут...»), но позже соглашается. Решение Козловского о переходе на четырёхполку, поддержанное активистами, вызывает переполох в селе. Но спустя несколько дней на сходе «сотни корявых рук уткнулись в небо – за четырёхполку»⁴. Панфёров показывает, как инициатива равнодушного председельства Козловского меняет вековые устои, а также что среди мужиков есть те, кто готов развиваться.

В очерке «Без точки» писатель поднимает острую тему уплаты сельхозналога. Зажиточный крестьянин Иван Петрович Чалкин не скрывает своего нежелания платить: «Всё с нас да с нас... а с бедноты-то когда?»⁵. Оставшись наедине с собой, он рассуждает о том, что корову нельзя обла-

гать налогом, так как она «молочная коровилица во всем крестьянском хозяйстве», лошадь тоже облагать налогом нельзя, т. к. «она и так за лето маяты примет сколько, а тут...», да и землю облагать налогом не следует: «Никто её не сработал, сама явилась. Причём поту от неё, ох, сколько пролито, а тут – обложи...»⁶. Панфёров вводит специфический приём психологического изображения: сон Ивана Петровича о том, что он не может воспользоваться мостом, построенным советской властью, а потому тонет в реке, через которую был вынужден перебираться вплавь, возвращаясь из Тамбова домой. Этот сон меняет его позицию. Вопросы, задаваемые ему Козловским во сне, объясняют, почему он должен платить сельхозналог: «Мосты государство строит, дороги государство строит, больницы государство строит и лечит бесплатно, школы притом строит и всего такого много. Армию, допустим, содержит, чтоб тебя охранять! А ты что? Ты налог платить отказался. Так?»⁷. Читатель видит, что зажиточный мужик способен принять доводы и сделать правильные выводы, оказавшись в ситуации, представляющей для него угрозу.

Подобное перерождение мужика Митрия Чуркина мы видим в очерке «Аграфена Чуркина». Муж «своими длинными ручищами» бьёт жену просто так: «За что? Сам потом догадаться не мог»⁸. Но разговор с женделегаткой Анчуркой, прозванной так за «смелость и великий рост», которая угрожает Митрию «съездить мокроступом по роже», меняет его поведение: «С тех пор и пошло всё по-иному»⁹. Заканчивается очерк идиллической картиной: Митрий в новой шапке, «сделанной лет пятнадцать тому назад – при женитьбе ещё», вместе с женой Аграфеной идёт в народ, где слушает «бабы речи про мужицкую жизнь»¹⁰.

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 68.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Там же. С. 85.

Завершается вторая часть книги «В предутреннюю рань» очерком «Сход», в котором мы видим мужиков, собравшихся для обсуждения вопросов о землеустройстве и о семсуде. Вновь пробуждается в мужиках собственничество: желание оставить себе первосортную землю, а коллективу отдать обглодыши, нежелание платить семсуду. Мужики в толпе остаются той же бессознательной массой, для которой собственные интересы важнее общественных, государственных. Века (именно так! – О. К., О. Р.) Фёдоровна Панфёрова, пересказывая эту сцену, свидетелем которой был её отец, пишет: «Крик, конечно, поднялся до самого неба – можно было подумать, отбирают у них последнее»¹. Предсельсовету Козловскому, имя которого вынесено в заголовок второй части книги («Козловская республика»), удаётся справиться с мужиками, что характеризует его как мудрого руководителя, знающего природу крестьянина.

В третьей части «Коллективщики» Панфёров изображает крестьян, принявших решение объединиться в коллектив (артель, коммуну). От этих героев читатель ждёт высокого уровня самосознания, ведь они преодолели индивидуализм собственников и живут по новым правилам совместной собственности. Но уже в первом очерке «На реке Цне» появляется образ Митьки, который до революции работал на псарне у барина. Этот мужик, уличённый Савастьяновым в том, что покинул без разрешения скотный двор, устав от блеяния овец и мычания коров, которые вечно голодны, слышит упрёк в свой адрес: «Э-э-эх, ты! – протянул Савастьянов. – Привык у барина на псарне вилять!»². И после этого начинает защищать классового врага: «А что барин... про барина ничего дурного не скажешь!.. Барин был человек. Его все в округе знали и хулу на него не несли, а на нас вот!»³. Митька не раскаивается ни в своём безответственном поведе-

нии, ни в сказанном, он лишь жалеет о том, что его увидел председатель Савастьянов: «Понесла же меня холера... вот дурак – опять влопался... теперь опять на собрании вопрос обо мне... итти так бы надо сторонкой, вон там, а я тут – напрямик»⁴, т. е. только лишь факт вступления в коммуну и жизнь в ней по новым правилам не является залогом того, что сознание человека непременно изменится и станет идеологически верным, соответствующим официальной позиции власти.

В очерке «В избе Савастьянова» действия происходят за три года до описываемых в книге событий: мужики, разговаривая с приехавшим Яковлевым (Яковлев Я. А. – замнаркома РКИ СССР. – О. К., О. Р.), делятся с ним своими проблемами: нерациональное использование земли привело к её оскудению, нападения бандитов лишили мужиков сельскохозяйственных орудий – не осталось ни одной настоящей «пахалки». Выслушав их, старший товарищ говорит о преимуществах коллективного ведения хозяйства, что позволит «перестроить жизнь, уйти от нужды». Собравшиеся в тот вечер в избе Савастьянова мужики – Лаврушка, Митька Борзятник, Штыркин, братья Савастьяновы и дедушка Архип – принадлежат к разным поколениям, но их объединяет одно – желание результативно трудиться на земле. Собравшиеся крестьяне считают, что не сумеют найти в себе силы изменить вековой уклад – уйти от трёхполки и этим пойти против народа. В частности, Савастьянов говорит: «Он, народ, что буря: понесётся в одну сторону – не сдержишь!»⁵. На что Яковлев предлагает им собрать актив, организовать коллектив, «Власть пойдёт вам навстречу: даст кредит, льготы, машины. А когда вы окрепнете – оплатите власти»⁶. Решение мужики выносят чуть позже, оно озвучено в очерке «Варькина жизнь». Савастьянов отвечает Яковлеву: «Итти... бесповоротно! Хуже не будет... а сообща возьмёмся – осилим»⁷.

¹ Панфёрова В. Ф. Дело всей жизни: повесть о Фёдоре Панфёрове. М.: Советский писатель, 1987. С. 144.

² Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 92.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Там же. С. 103.

«Так вот – три года тому назад, в весну двадцать пятого года – воронцовские крестьяне во главе со Степаном Савастьяновым и Лаврентием Сергеевым, в количестве тридцати семей, выбрались из общества и организовали в бывшем, полуразрушенном барском имении сельскохозяйственный коллектив»¹ – так начинается очерк «Плотина». Ожидаемо, что текст будет наполнен риторикой торжества новой жизни, ведь читателю уже известно, что коллектив получил трактор – он «победителем гудел на конце села»², но холод в маленьких домиках и голод точат изнутри тех, кто решил пойти против векового уклада. «Чай, не две жизни дано? Одна. А этому когда конец – не видно... Дождём ли, Степан?.. По дороге развалимся...»³, – говорит жена Степана Савастьянова. «Погоди, Татьяна, доживём, оденемся... Заживём в тёплых избах, баранину есть будем»⁴, – уговаривает её муж. Бессознательность жены, её сомнения побеждает уверенность мужа в счастливом завтрашнем дне. Но когда коллективисты сталкиваются со стихией – лёд на реке Цне угрожает сохранности плотины, – после двух дней борьбы с «полчищем седых северян» даже мужчины проявляют слабость: «По мужикам пошёл сначала тихий говор. Говор перешёл в злобное ворчание. Митька Борзятник кинул в сторону лом, крикнул – Не буду больше!... Аж будь проклята ваша коммуна... Што, – душу положить?»⁵. Остаются один на один со стихией двое – Лаврушка и Степан Савастьянов. Мужики же, «разойдясь по избам, быстро разулись, закутались в мохры и крепко заснули»⁶. Кажется, что беды не миновать. Но ситуация неожиданно меняется – растрёпанная Варька (жена Лаврушки) будит баб, которые отправляют своих мужей к плотине – сообщая им (бабам, девкам, ребятам, мужикам) удаётся отбить наступление реки.

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 85.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 111–112.

⁶ Там же. С. 112.

Последними словами очерка становятся слова Варьки: «Сила в нас, сила!»⁷. Таким образом, Панфёров показывает, как крестьяне преодолевают страх за свою жизнь, свою слабость перед усталостью, потому что чувствуют свою ответственность за результат, за общее дело.

В очерке «Страда» нарисована идиллическая картина жатвы бабами из коллектива ржи: пение, шутки, обильный урожай создают гармоничную картину полноты жизни. В противовес дана история уборки урожая Ванькой-Звонком и Клушей. По весне Ванька сеял рожь без штанов, выполняя наказ дедушки и думая, что это даст хороший урожай, но «пшеничка кургузым собачьим хвостиком выщелочилась из земли, загнулась крючком и выпачкала носик в пыли»⁸. Он срывает зло на беременной жене – «звонит руганью», а затем и вовсе бежит с ненавистного поля. Встретив по дороге Савастьянова, он просит его принять в коллектив: «Дядя Петя! Возьми, – взвыл он, – мозоли от жизни такой. – И залился Звонок звонкими слезами»⁹. Желание Ваньки-Звонка влиться в коллектив становится своеобразным сигналом времени – даже он, некогда не принимавший идею жизни в коллективе, насмехающийся над коллективистами, готов изменить свою судьбу. «А вот скоро и вся деревня так побежит...»¹⁰, – думает Савастьянов.

В очерке «Соха-та, матушка» главным героем становится дедушка Харламий, который прожил долгую жизнь и считает себя вправе передавать опыт следующим поколениям: «До сей поры дедушка Харламий в своём хозяйстве держался одного и внука своего учил: “Держись, малец, за соху-матушку – она соха-то матушка не выдаст... Бывало, как сохами наворочам – урожай во какой”»¹¹. Старика страшат нововведения. В частности, он

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Там же. С. 121.

¹⁰ Там же.

¹¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 122.

убеждён, что «трактор-та прокоптит всю землю скрозь...»¹. Данный мотив является однопорядковым с характерными для ряда писателей переходного периода (Н. Клюев, С. Есенин и др.) «мотивами разрушительного воздействия цивилизации и технического прогресса» [1, с. 206]. Технический прогресс пугает представителей старого поколения, поскольку требует перестройки, ломки складывавшейся веками жизни. Об этом предупреждал юного Панфёрова инженер-большевик Сивашев ещё до революции. В автобиографической повести «Родное прошлое» Фёдор Иванович вспоминает разговор о возможной механизации сельского труда, произошедший незадолго до революции, в ходе которого опытный большевик говорит: «Такого коня нет на земле, а ежели появится, то он все полосы у мужиков поломает – не примут такого коня»². События, происходящие десять лет спустя и описанные в данном очерке, подтверждают справедливость этих слов. Старик насмехается над коммунистами, называет их чурилами. Но когда коллективисты начали молотить трактором крестьянский хлеб, то дедушка Харламбий, наблюдая за работой трактора, хрипит: «Дерёт... Вот это дерёт»³ и соглашается на то, чтобы обмолотили и его снопы с хлебом. Старику сложно осознать, что тот объём работы, на который у него уходили недели, может быть выполнен за час машиной. Но, несмотря на сомнения, он готов попробовать новое, прогрессивное. Механизация труда – благо для мужика. Крестьянин не может не понять её очевидных преимуществ.

Очерк «Октябрины» посвящён рождению членом коллектива Варькой сына. Вначале мужики в доме Кирилла Савастьянова выбирают имя мальчику по календарю, в котором имена переплелись: «наряду с Октябриной, Революцией, – Кирилл, Мефодий и святой Лука»⁴. Жена Кирилла предлагает назвать Кузьмой, т. к.

близок день Кузьмы-бессребренника, на что Степан Савастьянов отвечает: «Это отошло, в предание отошло. Теперь мы должны»⁵. Выбранное имя рекомендовано товарищем рассказчика – гостем из столицы – Ким (Коммунистический интернационал молодёжи). Но это имя автоматически лишает ребёнка возможности пройти таинство крещения, что возмущает сестру хозяина дома – Стешу: «Да вы что? Что надумали? Без креста мальчонку. А-а-а... Не дадим... Мы, православные, соберёмся и не дадим...»⁶. Но счастливая мать Варька не переживает по поводу невозможности окрестить ребёнка с таким именем. Она согласна с мужем Лаврушкой, который выбрал имя сыну. Хотя рассказчик отмечает, что наутро не только сёстры, но и сама Варька не могут вспомнить, как вчера называли ребёнка. Обряд крещения заменяют на октябрины, приглашают гостей. И если вначале родные отказываются идти, а старый дедушка Пётр называет происходящее язычеством, то в день октябрин все собираются за столом. Разговор возвращается к теме крещения ребёнка. Кузьма Иванович авторитетно заявляет, что «Бог не примет... вода не пристанет после октябрин, как с утки скатится»⁷. Дедушка Пётр зажимает волосатый рот рукой и не заканчивает фразу: «ты крещена, я крещён, а эти, как...»⁸. Этот разговор перерастает в диалог об утрате молодёжью веры: «Нонче весной приехали, – что это, мол, вы, детки, не молитесь. А они: не твоё дело, да ещё про дурман какой-то»⁹. Точку в споре ставит Штыркин: «Эх, деда... бывало, везде икон навешаем – и в риге, и на гумне, и в курятнике. Выйдешь, бывало, из дому, – молится, кланяется, – и ну везде козырять, к ним прикладываться, – а кур нет, хлеба нет... А теперь без икон, да всё есть»¹⁰.

В предпоследнем очерке «Шабры» (соеди. – О. К., О. Р.) перед читателем пред-

¹ Там же.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 129.

стают образы двух крестьян, живущих по соседству. Первый из них – бесхозяйственный Соловей, которого на селе зовут Адамом. Полтора года он жил без крыши, т. к. она превратилась в труху, хотя, по словам рассказчика, у иного хозяина камышовые крыши по двадцать лет живут. А когда руки дошли до починки крыши, Соловей «камышу накосил и, не дожидаясь, когда он просохнет, прямо зелёный и как попало побросал его на крышу. А за место жердей надёргал стеблей подсолнуха и уложил их на макушку. После этого, как только дунет ветер, камыш сползает к подножью мазанки, и Соловей вновь возится с крышей»¹. Такая бесхозяйственность становится причиной насмешек над Соловьём. Гости спрашивают у Адама, почему он покрывает крышу старым камышом. И слышат в ответ, что камыш взять негде, при этом за огородами «огромным зелёным морем волнуется камыш»². Читатель узнает о прошлом Адама, что он был дезертиром, что когда-то работал и в совхозе, но обыкновенно он спал вместе с быками в поле, а не трудился. Ему лень обработать копыта у хромящей лошади. Единственная его забота – ночью загонять в сети мелкую рыбёшку. Соловей – мужик-лентяй, который обвиняет в своих неудачах других и не готов брать ответственность даже за собственную жизнь: «У бедняка-то всё валится, а у богатея вон – ничего»³. Побитая рига Соловья, заросший сорняками огород, полуразрушенная изба, слепая и хромя лошадь противопоставлены высокой, с крутыми скатами риге соседа – Андрея Меркушина, его ухоженному огороду, кирпичному домику с крепкими сараями и полукровной рыжей матке с двумя прекрасными жеребятами. Андрей – хороший хозяин, думающий, трудолюбивый. Именно Меркушин говорит о жадности русского мужика, у которого «рот широк», о лени, о неготовности сделать шаг и изменить жизнь: «Власть всё

даёт – кредит, ссуды, налог не берёт с бедняка. На выселок хочешь итти, дорога широкая, в артель иди. А бьёмся, как рыба об лёд, бьёмся... Кости понапрасну ломаем... Привычка. Привычка через дедовский порог шагать»⁴. Этот герой – образец не только хозяйственности, но и сознательности. Он благодарен новой власти, трезво оценивает настоящее, видит несколько путей развития, и, главное, он понимает, что нужно перешагнуть через «дедовский порог». В данном случае «дедовский порог» – это символическая деталь, которая способна схватить сущность явления разом, выделяя в ней главное: к дедовскому прошлому у советской деревни возврата нет, хотя и коллективное будущее, к которому нужно сделать решительный шаг, пока кажется крестьянину пугающим и непривычным.

Заключение

Анализ книги очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» позволяет сделать вывод, что в ней показан мучительный для русского крестьянина процесс изменения его сознания под влиянием общественной ломки. Привычное, хоть и не идеальное, прошлое собственника кажется ему лучшей альтернативой неизвестному коллективистскому будущему. Собственническое начало тормозит перестройку советской деревни. Однако писатель с удовлетворением отмечает зарождение в рядах крестьян новой прослойки «коллективщиков», которые осознают, что к дедовскому прошлому возврата нет, как бы ни было трудно принять новые, коллективные условия труда на земле. При этом диалектическая противоречивость процесса перестройки крестьянского сознания отражена в очерках книги Панфёрова как закономерный движущий принцип всякого развития.

Сегодня, спустя почти 100 лет, когда нет уже ни социализма, ни колхозов в их советском понимании, ни необразованного русского мужика, очерки Ф. И. Панфёрова воспринимаются непредвзято. Если в

¹ Панфёров Ф. В предутреннюю рань. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 131.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 137.

1990-е гг. подвергали ожесточённой критике коллективизацию и тех авторов, кто, как соцреалист Парфёнов, по сути, показал её неизбежность, жизненную необходимость для русской деревни, то сегодня у современных исследователей есть возможность взглянуть на отражённый в очерках писателя данный процесс «с высоты времени», как на неприукрашенный документ той эпохи.

В очерках Панфёрова – не мимолётное свидетельство об этом относительно кратком этапе времени, а правдивая фиксация жизни крестьянина переломного периода. Изобразительный ряд образов крестьян достоверно передаёт их психологию, под-

вергшуюся трансформации. Автор главами очевидца описываемых событий с особой симпатией запечатлевает в проанализированных нами очерках крестьян, которые пытаются сознательно принять новый уклад жизни, вписать себя в будущее перестраивающейся страны.

Следует подчеркнуть, что Парфёнов стоял у истоков магистральной темы советской литературы. В этом смысле он является предшественником и для М. А. Шолохова, и, возможно, для будущих деревенщиков 1960-х гг.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Култышева О. М. Н. Ключев и В. Маяковский: общие философско-нравственные корни // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья: проблемы преемственности (V Смирновские чтения): материалы V Международной научной конференции, г. Москва, 10 февраля 2022 г. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 201–218.
2. Култышева О. М., Рашупкина О. С. Отражение темы становления новых форм общественного бытия в книге очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927): на примере очерков «Маркел» и «В предутреннюю рань» [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 7. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2022/7/4.html> (дата обращения: 01.07.2022).
3. Майзель М. Краткий очерк современной русской литературы. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. 208 с.

REFERENCES

1. Kultysheva O. M. [Klyuev and V. Mayakovsky: Common Philosophical and Moral Roots]. In: *Slovesnoe iskustvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya: problemy preemstvennosti (V Smirnovskie chteniya): materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, 10 fevralya 2022 g.* [Verbal Art of the Silver Age and Russian Diaspora: Problems of Continuity (V Smirnov Readings): Materials of the V International Scientific Conference, Moscow, February 10, 2022]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022, pp. 201–218.
2. Kultysheva O. M., Rashchupkina O. S. [Reflection of the Theme of the Formation of New Forms of Social Life in F. I. Panferov's Book of Essays "In the Early Morning" (1927): On the Example of the Essays "Markel" and "In the Early Morning"]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Problems of Theory and Practice], 2022, vol. 15, no. 7. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2022/7/4.html> (accessed: 01.07.2022).
3. Majzel M. *Kratkii ocherk sovremennoi russkoi literatury* [Brief Essay on Modern Russian Literature]. Moscow, Leningrad, State Publishing House of Fiction Publ., 1931. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Култышева Ольга Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета;
e-mail: kultisheva@inbox.ru

Ращупкина Ольга Станиславовна – аспирант кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета;
e-mail: 77ros@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Olga M. Kultysheva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University;
e-mail: kultisheva@inbox.ru

Olga S. Rashchupkina – Postgraduate Student, Department of Philology, Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University;
e-mail: 77ros@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Култышева О. М., Ращупкина О. С. Отражение диалектической противоречивости перестройки сознания крестьянина-единоличника в книге очерков Ф. И. Панфёрова «В предутреннюю рань» (1927) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 95–109.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-95-109

FOR CITATION

Kultysheva O. M., Rashchupkina O. S. Reflection of the Dialectical Contradiction of the Restructure of the Peasant-Individual Consciousness in F. I. Panferov's Book of Essays "In the Early Morning" (1927). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 95–109.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-95-109